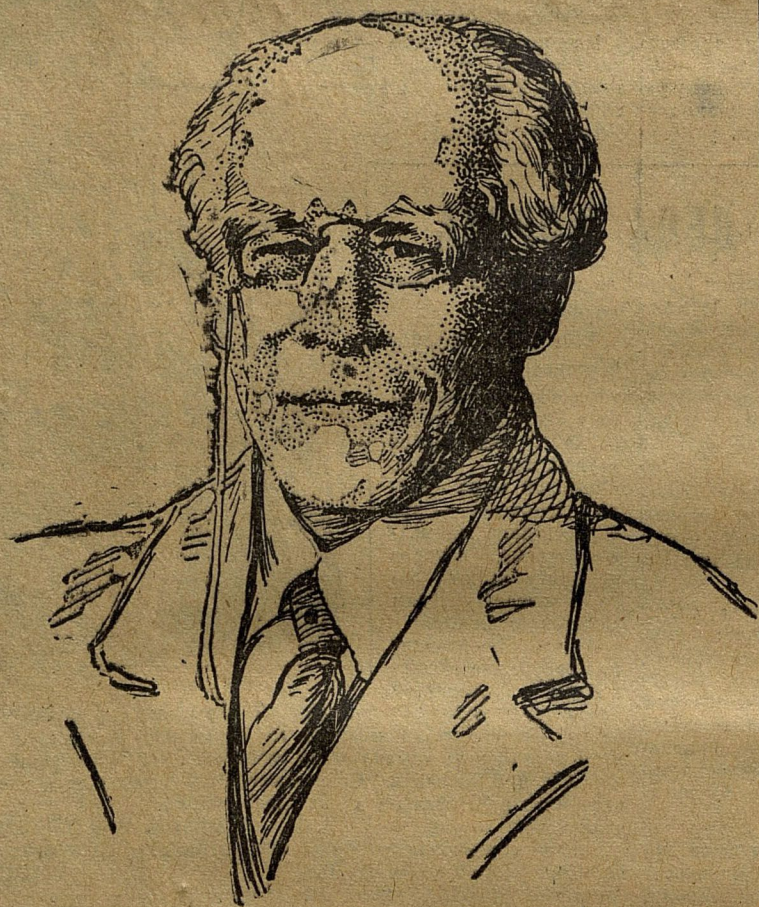

ПРОМЕТЕЙ РУССКОЙ СЦЕНЫ

100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ

Мы несем пальмовую ветвь мира

Как отрадно работать для своего народа в тесном с ним общении! Это чувство — результат воспитания, которое дала нам Коммунистическая партия...

С первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции партия и правительство приняли на себя все заботы о советском театре не только материально, но и идейно, стоя на страже правды и народности в искусстве, охраняя нас от всяких ложных течений. Ведь именно партия и правительство возвысили свой голос против формализма, за подлинное искусство. Все это обязывает нас быть подлинными художниками и следить за тем, чтобы в наше искусство не закрадывалось ничего ложного и чуждого.

Искусство должно раскрывать глаза на идеалы, самим народом созданные.

...В нашей стране театр — не пустое развлечение, а дело жизни, искусство, помогающее росту общества.

Пусть актеры поймут, какая задача поставлена жизнью перед всеми нами, какие обязанности перед широчайшими массами зрителей лежат на нас. Их выполняют только те, кто с этими массами участвует в общем строительстве и вместе с ними растет.

Театр из привилегии небольшой группы, имевшей возможность его посещать, стал достоянием поистине народным. В театр пришел зритель чуткий, требовательный и благодарный, для которого

«КОГДА Я думаю о таланте Станиславского, я упорно вспоминаю Маяковского, который говорит о себе—молодом:

У меня в душе ни одного седого волоса,
И старческой нежности нет в ней!
Мир огромен мощью голоса,
Иду—красивый.
Двадцативухлетний.

Для меня в этих строках Маяковского точнейший портрет таланта Станиславского. Да. Красивый. Двадцативухлетний. Да. В душе ни одного седого волоса. Это—Станиславский.»

Таковыми словами приветствовал любимый актер моего поколения Василий Иванович Качалов своего великого режиссера в день его семидесятилетия. Станиславский, благодаря группе артистов, поднесших ему чудесную вазу с цветами, шуточно писал: «Если бы я был стариком, то со спокойной совестью расцеловал бы всех. Но так как, по утверждению В. И. Качалова, мне лишь 22 года, и у меня ни одного седого волоса,—то я смущен... Но тем не менее целую всех женщин и мужчин—и дружески благодарю за память, трогательное внимание, которым очень дорожу. Любящий вас К. Станиславский.»

Да! В душе у Станиславского не было ни одного седого волоса... Но как прекрасна была его совершенно седая голова, когда он играл полковника Вершинина в «Трех сестрах», на сцене, на концерте или спектакле другого театра, когда в антракте взоры всех зрителей с любовью останавливались на высокой фигуре одного из создателей Художественного театра.

В годы моей юности вся театральная Москва была разделена на два лагеря. Были горячие поклонники

Дома Щепкина—Малого театра—и восторженные театралы, влюбленные в «Царя Федора» и пьесы А. П. Чехова и А. М. Горького, шедшие на сцену молодого тогда Художественного театра. Большинство молодежи стояло за Художественный театр. Как-то уж так полагалось, что если ты предаи Малому театру, то непременно должен быть враждебен новаторам из Камергерского переулка.

Но не все так думали в Малом театре. Лучшие его актеры А. П. Ленский, Г. Н. Федотова и величайшая наша актриса М. Н. Ермолова были горячими и искренними поклонниками К. С. Станиславского и созданного им театра. «Моим университетом» и «колыбелью МХАТа» чазывал К. С. Станиславский Малый

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ЭСТАФЕТА

театр, который в те годы именовали Домом Щепкина.

Минувшим летом я был в Крыму в знаменитом Воронцовском дворце—в той самой голубой гостиной, где сто лет тому назад хозяин «угощал» своих гостей мастерским чтением отрывков из «Мертвых душ». Читал их гениальнейший русский актер М. С. Щепкин, гастролировавший осенью 1863 года в Ялте. Выступление в алушкинском дворце было его лебединой песней. После выступления Щепкину сделалось плохо. Присутствовавший врач сказал, что может даже наступить смерть. И во всем огромном дворце не нашлось угла, где бы можно было положить больного гения русской сцены. К тому же княгиня Воронцова боялась покойников. И утром тучного и задыхающегося 75-летнего Щепкина в коляске отправили обратно в Ялту, где первый великий создатель образов Фамусова и Городничего умер.

М. С. Щепкин очень дорожил одним экземпляром «Ревизора» с автографом Гоголя: «Моему доброму и бесценному Михаилу Семеновичу Щепкину от Гоголя».

Последний ученик Щепкина М. В. Лентовский поднес эту книгу Станиславскому с подписью на серебряной дощечке, прикреплённой к переплету: «К. С. Станиславскому. Передаю достойнейшему».

Какая знаменательная эстафета! Всю свою жизнь Станиславский

хранил драгоценные щепкинские заветы сценического реализма.

— Прекраснее всего в русском искусстве,—писал он,—завет, который мы помним, оставленный нам Щепкиным: «Берите образцы из жизни и природы». Они дают неисчерпаемый материал для творчества артиста.

Мои театральными учителями были сначала артисты Малого театра, а потом Ю. М. Юрьев, артист бывшего Александровского театра (ныне Ленинградский Пушкинский театр). И любимым театром был (и остался на всю жизнь) Московский Малый театр. Но актером любимым моим, даже скажу—нашим, то есть всей театральной молодежи тех далеких лет, был единственный и не-

повторимый артист Художественного театра В. И. Качалов.

Я, конечно, старался не пропустить тогда ни одного драматического спектакля, идущего в московских театрах. Видел почти все спектакли в Художественном театре и в очень многих ролях нравился мне К. С. Станиславский...

Был один спектакль, в котором память много лучше сохранила Станиславского, чем Качалова. Это комедия А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», в которой К. С. Станиславский играл роль генерала Крутицкого.

Это было совершенно неповторимо. Прежде всего, почти во всех выданных мной ролях Станиславский очень мало менялся внешне... Великолепные гримы всегда были тщательно обдуманы, но все же что-то оставалось от самого артиста.

А в Крутицком все было необычно и неузнаваемо. Весь образ номинал скорее одного из гротов щедринских сатир. Какой-то градоначальник из города Глухова.

Была у Станиславского блестящая находка в этой роли. Возможно, сделал он это всего один раз после ухода Глумова (Качалова) из генеральского кабинета, а может быть и чаще. Это интерес... к дверной ручке... И вся тупость и глупость генерала—автора «Трактата о вреде реформ вообще» — была ясно видна зрителям. Как это так премудро устроена дверная ручка? Открывается

зашелка и затворяется. А двери были большие, натуральные... Ну и ручки соответствовали дверям. Так ясно мне сейчас вспоминается нелепая фигура Крутицкого, который возится около дверных ручек, как бы сомневаясь в их прочности. И эти сосредоточенные самодовольно-глупые глаза под щеткообразными бровями.

Вообще, казалось, что у Крутицкого-Станиславского волосы растут отовсюду. Огромнейшие бакенбарды выплывают из громадных оттопыренных старческих ушей. Длинные, свисающие на грудь усы, казалось, растут откуда-то из ноздрей. Руки по-военному заложены за спину, или взявшись за ручку двери и, заметив в ней какую-нибудь неисправность, вертели ее на разные лады.

Вся театральная Москва говорила об этих паузах Станиславского с дверными ручками. Мне приходилось играть Крутицкого, но ни разу я даже не попытался подражать в этой роли Станиславскому. Настолько у него все было органично, что всякая копия напоминала бы дешевую олеографию с картины великого мастера.

Расскажу еще о самом замечательном спектакле Художественного театра, который я видел.

«Три сестры» А. П. Чехова. Думаю, что это был один из лучших спектаклей, которые я вообще видел за мою долгую театральную жизнь.

Роль полковника Вершинина в этом спектакле была лучшим созданием К. С. Станиславского.

Я не помню, какая погода была позавчера... Вчера вечером, кажется было ветрено. А вот 50 лет тому назад, когда я возвращался пешком к себе на Арбат со спектакля «Трех сестер», шел маленький снежок. Это я помню очень отчетливо. Иногда показывалась луна. А рядом со мной по московским улицам, казалось, шли три сестры: Книппер-Маша, Германова-Ольга и Барановская-Ирина.

Шел и Станиславский-Вершинин... Качалов-Тузенбах и все остальные участники этого незабываемого спектакля.

«Три сестры». Станиславский-Вершинин. Милым, светлым, уютным—таким приходил он в солнечные комнаты трех сестер Прозоровых. Ласковое лицо... Застенчиво улыбающиеся глаза...

Потом приходит неожиданная любовь к Маше... Какие необыкновенно благородные краски находил для этих сцен Станиславский!

Последнее действие. С печальным криком улетают на юг журавли. Вершинин-Станиславский пришел проститься с Машей. Он готов в дорогу. Весь какой-то другой... Растерянный... Надо пройти мимо этой большой любви. Артист целует руки Ольги, потом еще раз обнимает Машу и быстро уходит. И такая подлинно неизбывная мука овладевала притихшим зрительным залом! И в то же время великий восторг перед творчеством, возведенным до степени гениальности.

Это было полвека назад... Ночью. На улицах Москвы лежал только что выпавший снежок... В голове проносились слова, только что услышанные со сцены.

Они проникали в сердце... Они запоминались навсегда:

—«И через 200, 300 лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной».

Радостно, торжественно и пророчески произносил эти слова Константин Сергеевич Станиславский.

Павел ДЬЯКОВ,
артист.

Целиноград.

Наследие колоссального таланта

Поль МЭНН,
американский актер,
преподаватель
театральной студии
в Нью-Йорке

100 лет со дня рождения Константина Станиславского—это историческая дата. Во всем мире трудно найти театр, совсем невозможно найти режиссера или актера (если только они настоящие режиссеры и актеры), которые бы не испытывали на себе плодотворного влияния могучего гения Станиславского. Торжество в честь великого Станиславского—это большое международное событие, в котором примут участие люди искусства и любители искусства во всем мире.

Невозможно переоценить воздействие Станиславского на театральную жизнь Соединенных Штатов Америки. Наши лучшие актеры и режиссеры вдохновлялись его принципами и идеалами.

Обращаться сегодня к идеалам Станиславского—это значит черпать новые силы и вдохновение для создания театра, который будет не только развлекать и не столько развлекать, а возбуждать, просвещать и прославлять Человека. Такой театр будет памятником достоинству и благородству Человека.

Именно в этом я вижу значение юбилея Станиславского для меня и для моих коллег в Соединенных Штатах.

Нью-Йорк.

Эва СОУКУПОВА,
директор института
театральных искусств

Имя Станиславского уже несколько десятилетий пользуется огромной популярностью в Чехословакии. Когда в тридцатых годах у нас появилась его первая книга «Моя жизнь в искусстве», она буквально перешла из рук в руки. На этой книге и гастрольных спектаклях Художественного театра воспитывалось целое поколение наших артистов.

Можно без преувеличения сказать, что Станиславский оказал огромное воздействие на чехословацкий театр, на всю чехословацкую культурную общественность.

Сейчас, отмечая столетие со дня рождения Станиславского, мы являемся свидетелями того, как серьезно относятся наши артисты к его заветам, как весь чехословацкий народ ценит и уважает этого неустанного борца за подлинную и благородную человечность в искусстве.

Прага.